

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕЧЕБНОГО ДЕЛА И ТРУДОИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1943 – 1948 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

© 2008 Н.М.Маркдорф

Новокузнецкий филиал Кемеровского государственного университета

В рамках данной статьи рассматриваются проблемы организации медицинского обслуживания и трудового использования в лагерях для военнопленных и спецгоспитале, дислоцировавшихся на территории Алтайского края. Медико-санитарное обеспечение и трудовое использование военнопленных в тыловых лагерях Западной Сибири неразрывно связаны с широким кругом вопросов по их содержанию и обслуживанию, включавших в себя: размещение, питание, вещевое снабжение, режим и охрану, отношение военнопленных к условиям плена, т.е. те факторы, которые обусловили основные показатели состояния производственных лагерей и спецгоспиталей в данном регионе. Статья написана на основе широкого круга архивных материалов, которые впервые вводятся в научный оборот.

В период с 1943 по 1948 гг. на территории Алтайского края действовали 5 лагерей, состоявших из 19 лагерных отделений (на момент организации лагерей), и один спецгоспиталь для военнопленных № 1512, дислоцировавшихся в г. Славгороде. Пребывание и трудовое использование иностранных военнопленных на территории Алтая можно условно разделить на два периода: а) май 1943 г. – август 1944 г.; б) сентябрь 1945 г. – февраль 1948 г. Каждому этапу присущи свои особенности размещения, режима содержания, охраны, трудоустройства, связанные с конкретной политической и экономической ситуацией как в стране, так и в регионе.

Первые партии военнопленных прибыли в Алтайский край для лечения в мае 1943 г. и были размещены в спецгоспитале № 1512, расположенном на территории г. Славгорода. К этому времени относятся подекадные отчеты о численности больных, видах заболеваний, количестве смертных исходов. Первый эшелон за № 5198, доставивший 338 военнопленных итальянцев, немцев, румын, венгров на лечение в Алтайский край, прибыл со станции Алексинно из спецлагеря НКВД СССР № 53. Второй эшелон № 5183 с бывшими 483 солдатами вермахта пришел в г. Славгород из спецлагеря НКВД № 188 (станция Рада) 22 мая 1943 г. К 31 мая 1943 г. военнопленных германской армии здесь насчитывалось 821 человек, в основном немцев, румын, итальянцев, венгров, австрийцев, евреев, словаков, русинов¹. В пути следования эшелонов до г. Славгорода 157 военнопленных, судя по этапным спискам, погибли в

пути и были похоронены на городском кладбище. Данный спецгоспиталь разместился в двух бараках (впоследствии в одном из них располагалась сельскохозяйственная школа) и был закреплен за Алтайским краем совместным приказом Народного комиссариата здравоохранения СССР и Народного комиссариата внутренних дел СССР за № 472 от 6 сентября 1943 г. Этими же директивами была утверждена 600-кочная мощность спецгоспиталя. Передислокации без санкции НКВД за весь период его существования спецгоспиталь № 1512 не подлежал². Ответственность за размещение, физическое состояние, лечение и посильное трудоустройство больных военнопленных возлагалась на краевой отдел здравоохранения. Краевой отдел здравоохранения также контролировал наличие в госпитале необходимых медикаментов, обеспеченность в соответствии с утвержденными нормами питанием в зависимости от тяжести заболевания военнопленных⁴. Нужно отметить, что на протяжении всей работы спецгоспиталя эти нормы выдерживались практически всегда, за исключением специализированного и усиленного питания для больных алиментарной дистрофией. Для обслуживания контингента имелись 16 врачей, 47 человек среднего медицинского персонала, 56 человек обслуживающего персонала и 10 административно-хозяйственных управленцев³. Нужно отметить, что особенно в первый период деятельности госпиталя его штат укомплектован был не полностью. И хотя ряд инструкций НКВД рекомендовали выявлять и использовать медперсонал из числа военнопленных (врачей,

фармацевтов, фельдшеров), но кадровый дефицит данный спецобъект имел на протяжении всего периода своего существования.

Более 70 % от всех поступавших на лечение пациентов составляли больные алиментарной дистрофией, около 30 % приходилось на долю таких заболеваний, как туберкулез легких, дизентерия, обморожения и другие. В основном, больные прибывали в спецгоспиталь в очень тяжелом состоянии, но, тем не менее, смертность военнопленных не была достаточно высокой и составляла примерно 0,3 % от общего количества контингента⁴. Дистрофия, как нозологическая единица, введена в терминологию в 1943 г., поэтому в медицинских сводках достаточно часто встречался диагноз "пеллагра". Удельный вес заболеваний дистрофией и пеллагрой среди коечных больных колебался в пределах 60 – 80 % с августа по декабрь 1943 г. и, конечно, во многом объяснялся определенными недостатками в организации лечебного дела, отсутствием специального питания для подобного рода больных, но главное – поступлением военнопленных в крайне тяжелом истощенном состоянии из под Сталинграда и Воронежа. Часть пациентов направляли на лечение западносибирские производственные лагеря НКВД СССР № 93 (Тюмень) и № 199 г. Новосибирск⁵. Наспех подлеченный, выздоравливающий контингент рядового и младшего начсостава направлялся обратно в лагерь № 93 в Тюмени, офицеров рекомендовалось препровождать в лагеря НКВД № 160 и № 74⁶. Конвоирование небольших партий выздоровевших военнопленных производилось силами частей конвойных войск.

Разрешалось использование военнопленных иностранцев на внутригоспитальных легких работах (распилка дров, переборка картофеля), а также на сельскохозяйственных работах в подсобном хозяйстве госпиталя⁷. Продукты питания госпиталь получал по лимитам и нарядам Управления снабжения Западносибирского военного округа из западносибирских областей. Часть поставок продовольствия осуществлялась через продуктовый склад № 223, находящийся в г. Омске. Наряды на продовольствие выполнялись с большими перебоями, имела место замена более калорийных продуктов менее качественными. Например, весной 1944 г. спецгоспиталь существенно недополучил необходимое количество круп, макаронных

изделий, сортовой муки, сухофруктов⁸. Транспортом персонал госпиталя был обеспечен в полной мере. На его балансе находились 2 полугорных автомашины и 11 рабочих лошадей⁹. Решением от 14.06.1944 г. крайисполком выделил спецгоспиталю № 1512 необходимое количество дров, а для развития подсобного хозяйства обязал начальников КрайЗО предоставить из колхозов, выполнивших план по животноводству, трех коров, 10 поросят, 15 овец, что позволило во многом снять проблему с обеспечением продуктами питания. К маю 1944 г. военнопленными и медицинским персоналом были успешно выполнены планы по посевам овощных культур¹⁰.

За все время деятельности спецгоспиталя предпринималась лишь одна попытка организации группового побега военнопленных. Так, в марте 1944 г. военнопленный немец Пауль Фаст попытался "сколотить" группу немцев для того, чтобы отправиться на родину¹¹. Однако благодаря своевременно принятым и проведенным оперативным мероприятиям данный инцидент удалось предотвратить, а его организатор отправился на гауптвахту, а затем в тюменский лагерь № 93¹². Кроме того, как указывалось в документах, только один военнопленный немец при попытке к бегству был убит "путем выстрела из винтовки при попытке выскочить в окно"¹³. Других серьезных нарушений лагерного режима в госпитале не наблюдалось, за исключением мелких провинностей: игра в карты, курение в неположенных местах, хранение в палатах запрещенных к использованию предметов, симуляция болезни (например, поедание мыла, употребление в пищу большого количества соли)¹⁴. При содержании на гауптвахте военнопленных, арестованных в дисциплинарном порядке (при простом и строгом арестах) разрешалось выдавать только 400 г хлеба. Независимо от заболевания при данных обстоятельствах постельные принадлежности и усиленное питание арестанты не получали¹⁵. Тем не менее, агентурные сводки "пестрят" различного рода сообщениями о негативных умонастроениях, особенно немцев, профашистской агитации и пропаганде, отрицательных оценках проводимого курса лечения, врачей и, конечно же, всей советской политической системы в целом. Приведем лишь некоторые из них. Военнопленный Вильгельм Мейстер: "Большинство русских ругают Гитлера, а сами забывают (на-

зывает "вождя народа" – Н.М.), что он ограбил банк и сидел в тюрьме". Военнопленный Гольшмидт: "Приходится поражаться неразумности русских. Они сначала доводят военнопленных до тяжелого состояния, затем направляют в госпитали. Но и здесь нам приходится терпеть издевательства русских врачей, которые поедают наше питание. Но русские и своих людей не ценят. Это мы видели уже на фронте, где они сотнями бессмысленно отправлялись в огонь". Военнопленный Вилли Мейстер: "Я даже после поражения Германии останусь национал-социалистом. А если Германия выиграет войну, то я уже русским военнопленным покажу, что значит работать. Я палкой им в этом буду помогать"¹⁶.

Даже в плену большинство военнопленных немцев не покидала уверенность во временных успехах Советской армии и скорейшем реванше войск вермахта. Военнопленный Мейстер: "Пусть после войны в Германии будет какая угодно система, лишь бы только не по русскому образцу. Это было бы для нас самым большим несчастьем. Я сам участвовал в воздушных боях на Кавказе, в Крыму, Севастополе и Баку, но то, что пишут советские газеты о положении на фронтах и существенных успехах русских, выглядит просто фантастикой. Я не верю, что Германия войну проиграет. Теперь с наступлением весны просохнут дороги, и удача опять будет на стороне немецких войск"¹⁷. Имели место и просто оскорбительные высказывания, пренебрежительное отношение к русским людям. Вновь обратимся к документам. Военнопленный Поль Вилли Пауль: "Находясь на родине, я уже был невысокого мнения о русских и сейчас этого мнения не изменил. Этим варварам никогда не выиграть войны. Как член национал-социалистической партии я шел на войну осознано, с целью борьбы против большевизма. Вся социалистическая идеология – это пустые бредни". Военнопленный Вилли Гроссман: "Русские народ глупый и невежественный, они все крадут на Западе. Сами они производить ничего не могут..."¹⁸.

Руководство спецгоспиталя, как и впоследствии лагерей для военнопленных в Алтайском крае, старательно регулировало умонастроения подневольного контингента через широкую агентурно-оперативную сеть, которой были охвачены все подразделения данного спецобъекта. Так, в конце 1943 г., в период по-

ступления в славгородский спецгоспиталь № 1512 большой партии военнопленных немцев, итальянцев и румын из тюменского лагеря НКВД СССР № 93, последовала незамедлительная директива из Москвы о необходимости раздельного содержания военнопленных, особенно немцев и итальянцев "ввиду ярко выраженной агрессивности последних и предотвращения возможных эксцессов между итальянцами и немцами". Судя по оперативным данным, довольно часто можно было услышать следующие высказывания итальянских военнопленных: "Разрешили бы русские перебить всех немцев в лагере, я бы это сделал"¹⁹. С декабря 1943 г. итальянским военнопленным предоставлялись лучшие условия содержания и более высокие нормы питания. Запрещалось выводить совместно военнопленных различных национальностей на работы. После выздоровления по инициативе итальянцев были организованы несколько "гарibaldiйских подразделений", которые отправлялись на фронт для борьбы против Германии. В декабре 1943 г. заявления в подобные части подали 65 итальянских офицеров и рядовых солдат²⁰. Распоряжением Круглова начальникам УНКВД краев и областей рекомендовалось изготовить фотоальбомы, в которых необходимо было разместить, кроме фотографий немцев до и после их пленения, положительные отзывы о пребывании иностранцев в госпиталях. На основании этого в августе 1943 г. и был создан славгородский фотоальбом, в котором на 78 листах собраны положительные отзывы проходивших лечение 21 военнопленного²¹.

В деле охраны контингента спецгоспиталя, как и впоследствии алтайских лагерей, имелось немало трудностей. Наружная охрана военнопленных осуществлялась первым взводом 4-й роты второго батальона 234 полка конвойных войск части № 7406. В отчетах и донесениях начальника режима и охраны отмечалось, что несение службы поставлено в соответствии с инструкциями о службе гарнизона. Наружная охрана имела 6 суточных постов. Вахтерская охрана – 3 поста. В ночное время на территории госпиталя выставлялся 1 пост, состоявший из двух вахтеров, вооруженных автоматами, со служебной собакой. Вся территория как первого, так и второго госпитальных корпусов была огорожена колючей проволокой. Однако отсутствовали запретные предупредительные линии

в 1,5 м высотой, предписывавшиеся инструкциями НКВД. Во II квартале 1944. были оборудованы лишь 4 вышки ввиду отсутствия в спецгоспитале лесоматериала. Данный недостаток удалось устранить только в июле-августе 1944 г. Кроме 1 телефонного аппарата, установленного в дежурном помещении, других средств связи не имелось, а связь осуществлялась через посыльных. Кроме того, практически не освещалась зона двух корпусов из-за того, что в госпиталь своевременно не подвозились необходимые лампы²². Все выздоравливавшие военнопленные славгородского спецгоспиталя № 1512 в первых числах сентября 1944 г. были переданы на содержание в лагерь МВД СССР № 99, дислоцировавшихся на станции Караганда-Угольная, больные – в спецгоспиталь № 3757 на станции Шумиха Южно-Уральской железной дороги, а сам он переведен в г. Ворошиловград²³.

Через несколько лет после ликвидации данного спецобъекта сведения о его пребывании в г. Славгороде найти было достаточно проблематично. Так, в служебной записке начальника Славгородского ГО МВД капитана Камвалина на имя начальника Управления МВД по Алтайскому краю Антонова от 08.10.1947 г. указывалось, что в Славгородском ГО МВД никаких архивных документов о месте нахождения спецгоспиталя № 1512 и о наличии в нем смертности военнопленных не сохранилось. Из бесед с бывшими оперативными работниками спецгоспиталя № 1512 установлено, что специальных кладбищ для захоронения умерших отведено не было. Всех погибших вывозили в различные места, "где были готовы ямы или ямы и там сбрасывали". По свидетельствам же местных жителей, в районе Селекционной станции, расположенной на расстоянии 4 – 5 км от госпиталя, имелись погребения иностранцев. Однако уже к концу 1947 г. не только каких-либо опознавательных знаков, но и надмогильных холмиков там не сохранилось, так как "все привозимые сюда трупы иностранных военнопленных слегка присыпались землей, а затем зачастую извлекались собаками или зверями. Трупы либо перезахоранивали горожане, либо кости растаскивали по полю животные". Поэтому, по мнению начальника славгородского ГО МВД, на этом месте "кладбище с оперативной точки зрения и политически сохранять и восстанавливать не целесообразно, так как

оно может создавать неприятное впечатление". Точных же данных о количестве захороненных в Славгороде военнопленных, как и места их погребения, установить до настоящего времени не удалось²⁴.

Организация производственных лагерей для немецких военнопленных на территории Алтайского края производилась в соответствии с постановлением СНК СССР № 1034-268 от 14 мая 1945 г, решением ГОКО № 7712 от 16.03.1945 г. с учетом наибольшей целесообразности трудоустройства военнопленных на первоочередных стройках, угледобыче, в лесной и машиностроительной промышленности. Японские лагеря для военнопленных создавались в 12 регионах СССР, в том числе и на Алтае, решением ГОКО № 9898 сс от 23.08.1945 г. Для руководства лагерями для военнопленных приказом НКВД СССР за № 00991 от 27.08.1945 года были организованы отделы и отделения по делам военнопленных в УМВД Алтайского края²⁵. Первые специальные лагеря МВД СССР для военнопленных стали организовывать на территории Алтайского края в начале 1945 г. Однако из-за малочисленности контингента два из них вскоре расформировали, а военнопленных передали в другие вновь создававшиеся на территории края лагеря. Так, в марте 1945 г. закрыли Рубцовский лагерь для военнопленных МВД СССР № 131, в августе того же года были ликвидировали лагерь МВД СССР № 431, дислоцированный в г. Барнауле²⁶.

В июне 1945 г. в г. Рубцовск Алтайского края прибыл эшелон, в котором находились 1992 военнопленных, в основном немцев. Пройдя 21-дневный карантин и обустроив лагерь, они стали трудиться на Алтайском тракторном заводе. С 13 октября по 25 ноября 1945 г. в Рубцовский лагерь № 511 доставили 5965 бывших военнослужащих японской армии. Лимитная численность военнопленных в данном лагере определялась в 5800 человек, но размещенный здесь контингент военнопленных значительно превышал установленные МВД СССР нормы²⁷. Лагерь объединял 4 лагерных отделения. Из них: 3 с японским контингентом и одно с немецким. Контингент военнопленных на основании заключенных договоров с лагерем использовали следующие предприятия: трест № 15 (военнопленные японцы); завод "Алтайсельмаш"; УВСП – 380 (военнопленные

японцы); Управление Золотушинского рудника Локтевского района (военнопленные японцы); Алтайский тракторный завод им. М.И.Калинина и частично трест № 15 (военнопленные немцы)²⁸. Четыре лагерных отделения действовали до февраля 1948 г. Последние 34 немецких военнопленных в связи с закрытием лагеря № 511 были переведены в лагерь МВД № 128 г. Барнаула²⁹.

Другой, не менее крупный лагерь за № 128 МВД СССР с лимитной численностью военнопленных 6000 человек сформировали в IV квартале 1945 года в г. Барнауле. В 5 лагерных отделений, расположенных непосредственно на территории г. Барнаула и лаготделении в с. Троицкое, военнопленные японцы и немцы поступали большими партиями на протяжении октября – ноября 1945 г. К началу 1946 г. их численность составила 5981 человек. Управление лагеря заключило ряд хозяйственных договоров с промышленными предприятиями региона на обслуживание и поставку рабочей силы из контингента военнопленных бывших японской и немецких армий: трест "Стройгаз" (881 японских военнопленных); Кожзавод (171 японских военнопленных); обзорементный завод (40 японцев); Барнаульский овчинно-шубный завод (73 военнопленных немцев), УМГБ Алтайского края (28 японцев); сельхозработы в совхозе УМВД Алтайского края (50 японцев); УВС – 2 (400 японских военнопленных) Главвоенстроя; завод № 77 (552 японцев и корейцев); Барнаульский вагоноремонтный завод (555 японцев); САРМ – 85 (20 японцев), сельскохозяйственные работы подсобного хозяйства управления лагеря № 128 (61 человек)³⁰. В качестве лагерной obsługi и на внутрилагерных производственных работах использовались 380 военнопленных японцев. Администрация лагеря в первое время не смогла должным образом использовать данный спецконтингент. Например, из-за отсутствия конвоя на мехлесопункте не выводились на работы 498 человек; в декабре 1945 г. практически полностью разутыми в лаготделении № 1 лагеря № 128 оставались 450 пленных немцев и японцев; по иным причинам (не предоставленные вовремя объекты работ, низкие температурные условия) незадействованными оказались 200 немецких военнопленных³¹. В конце 1945 г. на Алтае был сформирован лишь один новый "японский" лагерь МВД СССР – № 36. Его

управление располагалось в г. Чесноковке (Новоалтайск). Пять отделений дислоцировались вдоль строящейся железной дороги и были переданы тресту "Сибстройпуть". В лагере МВД СССР № 36 содержались 3500 военнопленных Квантунской армии. В сентябре 1946 г. в связи с переводом первого лагерного отделения на 87 км трассы железной дороги отделение решено было разместить в зоне 2-го лагерного отделения. За период существования лагерных отделений лагеря № 36 его контингент задействовали следующие предприятия: второй участок строительного треста "Сибстройпуть" (785 японцев); Алтайский вагоностроительный завод им. газеты "Правда" (744 человек); строительномонтажный трест № 5 (1052 чел.); сельскохозяйственные работы подсобного хозяйства лагеря и подсобные мастерские по производству ширпотреба (140 японцев). Таким образом, труд более 50% от общего количества иностранных военнопленных, содержащихся в лагерях Алтайского края, использовался на промышленных предприятиях³².

В алтайских производственных лаготделениях и славгородском спецгоспитале с 1943 по 1948 годы содержались представители более 20 национальностей, но, в основном, военнопленные и интернированные японцы и немцы, а также корейцы, китайцы, итальянцы, австрийцы, поляки, голландцы, словаки, чехи, венгры (мадьяры), русины, румыны, цыгане, русские, белорусы, украинские националисты, французы, евреи, молдаване, латвийцы, литовцы и единичные представители других национальностей. Большую часть военнопленных составляли молодые люди в возрасте 15 – 30, реже 40 – 60 лет (от 1890 до 1930-х годов рождения), рядового и младшего офицерского состава.

В период организации руководство лагерей для военнопленных, как и администрация хозорганов, столкнулись с рядом трудностей. При спешном развертывании лагерных отделений не имелось возможности строительства необходимого количества жилых помещений. Вновь прибывавший спецконтингент превышал лимитную, предельно допустимую численность лагерных зон. Особенно остро вопрос с жильем встал в так называемых немецких лагерных отделениях, где скученность военнопленных была просто катастрофической. Например, в лагерном отделении № 1 лагеря № 511 (г. Руб-

цовск) в бараке, рассчитанном на 600 человек, были размещены 999 военнопленных³³. Жилищные и санитарно-бытовые условия военнопленных удалось улучшить с началом массовой репатриации военнопленных на родину. Например, весной 1947 г. из лагерей №№ 128 и 511 вывезли 8237 человек, что дало возможность руководству Алтайского тракторного завода расселить около тысячи немцев в трех одноэтажных каменных зданиях на двухъярусных нарах. В лаготделении № 6 данного лагеря Золотушинское рудоуправление поселило военнопленных японцев в непригодных для жилья сырых полуземляных бараках. До середины декабря 1945 г. 600 военнопленных немцев жили в палатках при практическом отсутствии топлива. В лагерных отделениях №№ 2 и 5 барнаульского лагеря № 128 контингент военнопленных содержался в антисанитарных условиях³⁴. Отсутствие изоляторов для дизентерийных больных (они были отделены от здоровых военнопленных в бараках только плащ-палатками) привело к вспышке желудочно-кишечных заболеваний среди подневольного контингента. Во всех алтайских лагерях вплоть до 1946 г. лазареты или отсутствовали полностью, или были не готовы к принятию больных. Специальных же госпиталей в период 1945 – 1948 гг. создано не было, как указывалось в донесениях начальника Управления МВД по Алтайскому краю, из-за отсутствия подходящего жилого фонда³⁵.

В результате размещения военнопленных в необорудованных и непригодных к зимним условиям жилых помещениях, постоянных перебоев обеспечения хозорганами лагерей топливом, отсутствия у подневольного контингента элементарных постельных принадлежностей (матрацев), начиная с ноября 1945 г., среди военнопленных наблюдается резкий рост простудных заболеваний. Так, с ноября 1945 по январь 1946 гг. зарегистрировали только в одном лагере № 511 – 1629 заболеваний гриппом, воспалением легких и ангиной. Из всего списочного состава военнопленных (6205 человек) на 1 февраля 1946 г. больными значились 2924 человека³⁶.

Пик смертности иностранцев во всех алтайских лагерях для военнопленных (как и в целом по Западной Сибири) приходится на февраль – апрель 1946 г. Только в марте 1946 г. от различных заболеваний (в основном, это –

алиментарная дистрофия, крупозное воспаление легких, сыпной и брюшной тифы, дизентерия) погибли 1673 человека, то есть примерно 10, 5% от общего количества алтайских военнопленных, а по сумме за три месяца 1946 г. количество погибших составило почти 25 %³⁷. Остановить распространение и рост заболеваний алиментарной дистрофией и смертность от нее во всех алтайских лагерях не удавалось вплоть до полной ликвидации самих лагерей, то есть до 1948 г. Положение не спасали ни массовая репатриация больных и нетрудоспособных военнопленных на родину, ни завоз новых партий здоровых военнопленных из лагерей и тюрем Германии. Следует отметить, что Алтайский край наиболее тяжело по сравнению с другими западносибирскими регионами "пережил" голод 1946 года.

Положение в лагерях для военнопленных осложнилось с началом масштабной эпидемии сыпного тифа, который занес обслуживающий персонал через постоянные контакты с гражданским населением в японские лаготделения, а затем и в немецкие зоны лагерей. При изучении эпидемиологического начала заболевания тифом чрезвычайная комиссия Рубцовского горздравотдела выяснила, что первые больные были выявлены в Рубцовском железнодорожном училище. В связи с тем, что профилактический карантин по прибытии эшелонов в лагерях не выдерживался и военнопленные выводились на работы хозорганов, где специализированных отдельных участков работы для них не организовывались, а в лагерях отсутствовали бани, дезокамеры и элементарные санитарные условия, предотвратить распространение эпидемии не удалось. Более того, санобработка военнопленных производилась в ночное время в городских банях г. Барнаула и г. Рубцовска, где в дневное время мылось гражданское население³⁸. В лагере № 128, например, первая баня с пропускной способностью в 28 человек в час была отстроена только в сентябре 1946 года³⁹. Часто военнопленные прибывали в лагерь со 100 % завшивленностью, что, в свою очередь, способствовало распространению эпидемии тифа, да и других инфекционных заболеваний также. Первых заболевших сыпным тифом в лагере МВД № 511 зарегистрировали в ноябре 1945 г., но они медицинским персоналом диагностировались как грипп, а поэтому никаких эффективных мер против тифа принято не бы-

ло. В декабре этого же года количество заболевших продолжало увеличиваться, но начальник САНО № 1 лагеря № 511 санкции на наложение карантина на лагерное отделение не дал, заявив, что "из-за четырех заболевших сыпным тифом ставить на карантин более 3 тысяч военнопленных не рентабельно". И только в феврале 1946 г. медперсонал и руководство лагеря № 511 "пришли к твердому убеждению, что в лагере наличествует сыпной тиф". Впрочем, сведения о количестве заболевших военнопленных они попытались скрыть от Управления МВД по Алтайскому краю и, кроме объявления о трехдневном карантине для санобработки контингента, по-прежнему ничего предприняли. Военнопленные в предписанном порядке продолжали выводиться на работы хозорганов, и только 18 марта 1946 года, когда информацию об эпидемии скрывать уже было не возможно, а количество умерших составило 102 человека, карантин в лагере объявили. Но вывод военнопленных на контрагентские работы хозорганов продолжался вплоть до 23 марта 1946 г.⁴⁰ Увеличению заболеваемости и смертности способствовало еще и то, что из зоны несвоевременно госпитализировались подозрительные больные. Например, в лаготделении № 1 лагеря № 511 в феврале 1946 г. насчитывалось 500 больных, но госпитализировано было только 200 человек, остальные находились в бараках вместе со здоровым контингентом. В первый же день госпитализации в марте 1946 г. умерло 102 человека, а на второй – еще 30. Таким образом, около 35 % больных погибли в бараках, тогда как по документам они значились лазаретными больными. После выявления сыпного тифа начальник управления лагеря предложил военнопленных японцев из лаготделения № 1 выводить на санитарную обработку в лагерное отделение № 7, где содержались немецкие военнопленные. В результате этого в апреле 1946 г. появились первые заболевшие тифом среди медицинского, обслуживающего вольнонаемного персонала и военнопленных немцев, работавшим в бане⁴¹. Неблагоприятная эпидемическая обстановка сложилась и в лагере № 36, где в течение нескольких лет также имели место недокомплект бань и дезокамер для санитарной обработки одежды.⁴² Смертность иностранных военнопленных пошла на убыль лишь к лету 1946 г. и стала следствием широких противоэпидемических мероприятий. Изменились климати-

ческие условия и нормы питания. Началась репатриация ослабленных и больных немцев и японцев в Германию и Северную Корею.

С первых дней существования лагерей производственная ситуация на большинстве промышленных предприятий Алтайского края была достаточно сложной, и вызывалась, прежде всего, нехваткой рабочих рук. Острый кадровый дефицит, инициированный трудностями послевоенных лет, необходимость выполнения плановых заданий по производству продукции, диктовали необходимость пополнения рабочих кадров различными способами – от дополнительного призыва женщин и молодых рабочих из сельских районов Алтайского края, применения труда инвалидов войны и мобилизованных военкоматами мужчин старшего призывного возраста до привлечения военнопленных не только во вспомогательные, но и в основные цеха заводов⁴³. Имели место постоянные производственные противоречия между начальниками лагерных отделений и администрацией хозорганов. Руководство промышленных предприятий стремилось решить производственные проблемы за счет скорейшего привлечения дополнительной рабочей силы, начальники же лагерных отделений старались не допустить вывода на работы ослабленного контингента. В августе 1945 г. на Алтайский тракторный завод прибыли 1223 немецких военнопленных, содержавшихся в лаготделениях лагеря № 511 МВД СССР⁴⁴. В соответствии с условиями режима их основную массу направили в заготовочный цех завода. Однако уже в декабре 1945 г. их труд стал использоваться в основных цехах завода – механическом, чугунолитейном, автоматном, сталелитейном и транспортном. Но политика "затыкания дыр" своих результатов не принесла. Если в начале декабря 1945 г. руководство предприятия возлагало большие надежды на дополнительный спецконтингент, ожидая решения проблемы выполнения плановых заданий, то уже к концу месяца вынуждено было констатировать нецелесообразность использования неквалифицированного, незаинтересованного в труде (а иногда и просто его саботирующего), к тому же ослабленного контингента лагерей на основном производстве и, соответственно, нерентабельность трудовых затрат на его содержание. Администрация предприятия требовала от управления лагеря выполнения своих обязательств по выводу военнопленных на ра-

боты не менее 80 – 85 % к списочному составу, считая виновными в срыве плановых заданий и простоях производства начальников лаготделений. Руководство лагеря обвиняло директора завода в превышении полномочий, нарушении своих обещаний по обеспечению военнопленных в лагере продуктами питания и топливом. Заболеваемость и смертность военнопленных, по мнению лагерной администрации, возросли именно в результате халатности руководителей производства. В свою очередь, директор Алтайского тракторного завода, протестуя против наложения в лагере № 511 карантина, призывал к скорейшему выводу военнопленных на работы. Но, в то же время, обеспечить изолированность гражданского населения от подневольного контингента и создание специализированных участков для их труда отказался. Только после вмешательства краевого облисполкома данный конфликт удалось более или менее благополучно разрешить. Но еще достаточно продолжительное время докладные и служебные записки двух противоборствующих сторон с завидной регулярностью продолжали поступать в ГУПВИ, государственные, областные и местные партийные организации.

На промышленных предприятиях Алтайского края в результате отсутствия контроля за соблюдением техники безопасности в среде военнопленных увеличивалось количество несчастных случаев. Более того, например, дирекция Алтайского тракторного завода вынуждена была констатировать резкое сокращение выпускаемых тракторов и увеличение бракованной продукции. Если в августе 1945 года на заводе выпускалось 250 тракторов, то уже в ноябре того же года только 176⁴⁵. Повышения среднеквартальной производительности труда в производственных лагерях Алтайского края удалось достичь только к началу 1947 г. Так, по лагерю МВД для военнопленных № 128 производительность труда составила – 114, 4 %; по лагерю МВД для военнопленных № 511 – 108, 7 %. Валовая сумма, вырабатываемая за IV квартал 1947 года, равнялась: по лагерю МВД № 128 – 672, 627 руб.; по лагерю № 511 – 910, 562 руб.⁴⁶.

Имели место факты открытого протеста, явного вредительства и саботажа со стороны враждебно настроенных военнопленных (особенно японцев), направленные на срыв плановых производственных заданий: профашист-

ская агитация и пропаганда, умышленное членовредительство и обморожения, симуляция, отказ от приема пищи и от работы под любым благовидным предлогом, намеренная порча оборудования и инструментов, покушение на самоубийство, грубое обращение военнопленных друг к другу и оскорбление командиров, драки, избивание хорошо работающих военнопленных их бригадирами. Например, военнопленный майор Сато беспощадно избивал солдат своего подразделения за добросовестный труд на производстве. В феврале 1946 г. военнопленный младший сержант Сиротоси от полученных жестоких побоев, не приходя в сознание, скончался в больнице⁴⁷.

Виновные в саботаже военнопленные наказывались арестом на 10 – 20 суток, особо злостные нарушители предавались суду военного трибунала, приговаривались к 5 – 10 годам лишения свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовых или режимных лагерях. Судебные процессы над военнопленными за умышленные нарушения лагерного режима стали весьма распространенным явлением в сибирских лагерях вплоть до начала 1948 года. Своеобразной формой протеста, следствием невозможности или нежелания приспособиться к лагерной повседневности, свидетельством безысходности, неверия в то, что каким-либо иным способом можно попасть на родину мог являться и побег. Можно отметить, что в отличие от других регионов Западной Сибири побег иностранных военнопленных из лагерей Алтайского края не носили массового характера⁴⁸. Всего за период с 1945 по 1948 гг. было зарегистрировано 36 случаев побегов, из которых 4 имели групповой характер, 32 человека пытались достичь дорогой земли в одиночку. Кроме того, на станции Барнаул задержали бежавшего из Кемеровской области военнопленного немца Салая Карла и препроводили в лагерь № 128. С помощью агентуры удалось предотвратить 7 попыток военнопленных незаконным путем отправиться на родину. Иногда стремление военнопленных к несанкционированной свободе заканчивалось трагически. Например, бежавший 25 декабря 1945 года из-под охраны конвоя гарнизонных войск военнопленный немец Фуглер Эрих Август замерз в окрестностях г. Рубцовска, так и не увидев долгожданной родины. Военнопленный японец из лагеря № 511 был застрелен во время задержа-

ния⁴⁹. Для предотвращения побегов и поимки беглецов на территории Алтайского края, начиная с 1947 г., повсеместно созданы базы содействия (БС), в которые входили сельские активисты, учителя, председатели колхозов, работники железнодорожных станций, рабочие крупных промышленных предприятий. В лагерях для военнопленных из числа личного состава организовывались оперативные группы для ведения ближнего розыска. Начальникам лаготделений рекомендовалось устранить недостатки в организации охраны военнопленных, усилить контроль за несением службы вахтеров и гарнизона конвойных войск⁵⁰.

Серьезной проблемой в деле организации и деятельности алтайских лагерей МВД СССР стали неуставные отношения лагерной охраны и местного населения. Наиболее показательный случай произошел 19 января 1946 года в г. Рубцовске. Вахтеры лагеря № 511, находясь в городе вблизи клуба Алтайского тракторного завода, ввязались в драку с местными жителями, в результате которой один из охранников был жестоко избит и с тяжелыми телесными повреждениями доставлен в городскую больницу, а у другого отобрали табельное оружие. Как показало следствие по данному делу, на почве мести за поруганную честь товарищей вахтеры данного лагеря организовали группу из 20 человек и, вооружившись автоматом, совершили вооруженный налет на молодежный клуб АТЗ, где задержали 9 человек молодежи, увели их в зону 7-го лаготделения, избили и после содеянного разбежались⁵¹. Большая текучесть кадров на протяжении всего периода существования лагерей, объяснялась тем, что лагерный персонал, в основном, комплектовался работниками, не имевшими опыта работы с военнопленными, или просто случайными людьми, большая часть которых из органов вскоре была уволена⁵². Руководству, партийным организациям лагеря и хозорганам потребовалось немало усилий и времени для того, чтобы сформировать коллективы личного состава лагерей и добиться его полной работоспособности. При спешном наборе кадров имели место случаи проникновения в лагерь так называемых "враждебных" элементов. Это были лица, побывавшие в плену, а также принадлежавшие к "социально не проверенным элементам". В декабре 1945 г. заведено уголовное дело на начальника санчасти лагеря № 128, подозревав-

шегося в шпионаже в пользу Германии. Начато служебное расследование с заведением уголовных дел 10 сентября 1948 г. на сотрудников лагеря № 128. Начиная с 1947 г., командование, партийные организации лагерей, а также руководство промышленных предприятий, в ведение которых входил спецконтингент, принимает серьезные меры, направленные на укрепление воинской дисциплины и боевой подготовки личного состава в соответствии с инструкциями и директивами ГУПВИ МВД СССР. В частности, предприняты усилия по доукомплектованию ВОХР, исключению из числа сотрудников неблагонадежных лиц, женщин, а также тех, кто не владел в достаточной мере боевой служебной и политической подготовкой. Плохо поставленный учет вещевого имущества в лаготделениях и в Управлении лагерей по Алтайскому краю, отсутствие опыта у руководства обозно-вещевых служб, а часто и просто недобросовестное отношение к делу со стороны управленческого и снабженческого аппаратов создавали весьма благоприятную почву для хищений. Так, за разбазаривание продовольствия, хищения, преступную халатность и невыполнение своих служебных обязанностей был привлечен к уголовной ответственности и снят с работы заместитель начальника управления лагеря № 511 по снабжению Галицкий, который "разбазарил 24 тонны угля, путем выдачи его в целях всевозможных хозяйственных махинаций различным хозорганам (мясокомбинату – 28 т, ЖКО ОСМЧ – 15 – 3 т, фабрике индпошива – 3 т). Крупная сумма денег была присвоена предприимчивыми начальником лаготделения № 7 лагеря № 511 майором Бажиным и его заместителем в результате махинаций с выводимым на работы подневольным контингентом военнопленных. В июле 1946 г. сняли с работы начальника управления лагеря № 511 старшего лейтенанта М.Т.Фатева "за необеспечение руководства работой лагеря, допущение хищения продуктов питания, разбазаривания топлива и присвоение денег, полученных от использования труда военнопленных"⁵³.

Вклад иностранных военнопленных в экономику Алтайского края значителен. Анализ имеющихся документов позволяет констатировать следующее. Иностранные военнопленные использовались на предприятиях Алтайского края с 1945 по 1948 г. Если в IV квартале 1945 г. – 1946 г., то есть в первый период

их трудового использования, можно говорить о нерентабельности труда военнопленных, вызванной, прежде всего, трудностями послевоенного времени, то, начиная с 1947 года, производительность их труда неуклонно растет и достигает 120 – 130 %.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив информационного центра Алтайского УВД (далее Архив ИЦ АУВД). Ф. 17. оп. 1. Д. 21. Л. 128.
2. Архив ИЦ АУВД. Ф. 17. Оп. 1. Д. 21. Л. 172.
3. Там же, Л. 173.
4. Архив ИЦ АУВД. Ф. 17. Оп. 1. Д. 20. Л. 15-16.
5. Там же, Л. 25.
6. Архив ИЦ АУВД. Ф. 17. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.
7. Там же, Л. 1 об.
8. Архив ИЦ АУВД. Ф. 17. Оп. 1. Д. 20. Л. 117.
9. Архив ИЦ АУВД. Ф. 17. Оп. 1. Д. 21. Л. 194.
10. Там же, Л. 193.
11. Там же, Л. 199.
12. Там же, Л. 204.
13. Архив ИЦ АУВД. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.
14. Там же, Л. 14.
15. Там же, Л. 35.
16. Там же, Л. 68.
17. Там же, Л. 76.
18. Там же, Л. 87.
19. Архив ИЦ АУВД. Ф. 17. Оп. 1. Д. 21. Л. 194.
20. Там же, Л. 193, 199.
21. Там же, Л. 208.
22. Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 1 п. Оп. 23 а. Д. 5. Л. 39 – 40.
23. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 23 а. Д. 5. Л. 41.
24. Архив ИЦ АУВД. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6. Л. 9 – 10.
25. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 23 а. Д. 5. Л. 45.
26. Главное Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД – МВД СССР. 1941 – 1952 гг.: Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4. / Сост. М.М.Загорулько, К.К.Миронова, Л.А.Пылова и др. Под ред. Проф. М.М.Загорулько. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004. – С. 1108.
27. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 347. Л. 20.
28. Там же, Л. 8.
29. Там же, Л. 17.
30. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 12. Л. 263.
31. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 82. Л. 1.
32. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 347. Л. 30 – 34.
33. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 125. Л. 39.
34. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 347. Л. 25 – 28.
35. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 347. Л. 27.
36. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 125. Л. 45.
37. Подсчитано по: РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 347. Л. 45 – 47.
38. Отдел специальной документации Управления архивного дела Алтайского края (далее ОСД УАДАК). Ф. Р – 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 153.
39. Центр хранения Архивного фонда Алтайского края (далее ЦХАФ АК). Ф. Р – 718. Оп. 1 а. Д. 29. Л. 13.
40. ЦХАФ АК. Ф. Р – 718. Оп. 1 а. Д. 29. Л. 11.
41. Там же, Л. 3 – 4.
42. ЦХАФ АК. Ф. Р – 718. Оп. 1 а. Д. 29. Л. 13.
43. Там же, Л. 15.
44. ЦХАФ АК. Ф. Р – 718. Оп. 1 а. Д. 29. Л. 17, 19, 27, 34, 41.
45. Архив ИЦ АУВД. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3. Л. 178.
46. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 347. Л. 33.
47. Архив ИЦ АУВД. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.
48. Там же, Л. 8.
49. ОСД УАДАК. Ф. Р – 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 155.
50. РГВА. ф. 1 п. Оп. 17 а. Д. 2. Л. 97, 98.
51. Архив ИЦ АУВД. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.
52. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 352. Л. 90.
53. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 352. Л. 92 – 94.

THE ORGANIZATION OF MEDICAL SERVICE AND WORK OF WORLD WAR II FOREIGN PRISONERS IN WESTERN SIBERIA IN 1943 – 1948 (ON THE MATERIALS OF ALTAI REGION)

© 2008 N.M.Markdorf

Kemerovo State University, Novokuznetsk Branch

In the article the problems of organization of medical service and work of World War II foreign prisoners in concentration camps and hospitals located in Altai region are examined. In this connection, we also studied some factors of foreign prisoners' living conditions, regime, specific features of the work they did, causes of deaths and relations between local Siberian population and foreign prisoners of war. There were war prisoners of more than 20 nationalities in Western Siberia. The article is based on numerous archival documents, local Siberian people's recollections, which are used for the first time.